

ОБРАЗ ВОТРЕНА В «ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КОМЕДИИ» БАЛЬЗАКА

© 2012 М.В.Федотова, А.Л.Гринштейн

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 06.03.2012

В статье рассматриваются функции и средства создания образа Вотрена (Жака Коллена) в романах О. де Бальзака «Отец Горио», «Утраченные иллюзии», «Блеск и нищета куртизанок»

Ключевые слова: Бальзак, «Человеческая комедия», образ художественный, маска

Жак Коллен, он же – аббат Карлос Эррера, он же – Вотрен – персонаж, объединяющий три романа Оноре де Бальзака. Он играет ключевую роль в «Отце Горио», а затем появляется в самом конце «Утраченных иллюзий», соединяя этот роман с «Блеском и нищетой куртизанок» – романом, в котором Вотрен выступает уже в качестве главного героя. Во всех трёх историях он выполняет важнейшую функцию – оказывается зачинщиком конфликта, двигателем сюжета.

В «Отце Горио» его попытки искушить Эжена Растиньяка приводят к череде происшествий. Здесь и убийство брата мадемуазель Тайфер, и заговор пансионеров, в итоге приводящий к аресту беглого каторжника. Вотрен выступает в роли катализатора, благодаря нему другие персонажи совершают ряд действий, раскрывающих их сущность. В романе «Утраченные иллюзии» герой появляется в финале в облике аббата, таким образом, он «берёт эстафету». Когда читателю кажется, что история юного Люсьена Шардона близится к своему логическому завершению, совершенно авантюрным образом, на мосту, с которого собирался броситься юноша, его «перехватывает» Эррера. История молодого человека продолжается и завершается всё тем же самоубийством уже в «Блеске и нищете куртизанок».

Бальзак создаёт образ человека абсолютно независимого, живущего по своим собственным правилам, подминающего под себя существующие законы общества. Ловкий, находящий выход из любой, даже самой трудной ситуации, Вотрен – творец своего собственного мира. Само прозвище Жака Коллена – «Обмани-Смерть» (Trompe-la-Mort) говорит о его природе трюкастера. Вотрен – великолепный актёр, принимающий разные обличья, будь то весельчак-мещанин в романе «Отец Горио» или испанский священник Карлос Эррера в «Блеске

и нищете куртизанок». Он постоянно играет, и роли его разнообразны. Игра эта проявляется на разных уровнях. Это и смена внешности и поведения героя, и та эффектность, с которой он совершает различные действия.

В «Отце Горио» персонаж выступает в двух основных ролях. Во-первых, это Вотрен. С самого начала мы замечаем во всём его образе некую искусственность. Первое описание Вотрена явно указывает на то, что этот пансионер – не тот, за кого себя выдаёт. Здесь сразу же указываются его чёрный парик и крашенные бакенбарды, а также тот факт, что он лишь выдаёт себя за бывшего коммерсанта:

Entre ces deux personnages et les autres, Vautrin, l'homme de quarante ans, à favoris peints, servait de transition. Il était de ces gens dont le peuple dit: «Voilà un fameux gaillard !» Il avait les épaules larges, le buste bien développé, les muscles apparents, des mains épaisses, carrées et fortement marquées aux phalanges par des bouquets de poils touffus et d'un roux ardent. Sa figure, rayée par des rides prématurées, offrait des signes de dureté que démentaient ses manières souples et liantes.

Мы видим, что герой появляется на страницах романа уже в некоем образе, постепенное раскрытие которого происходит в дальнейшем. Двуличность Вотрена подчёркивается при каждом его появлении. Он оказывается пограничным персонажем, «переходной ступенью» между прочими жильцами пансиона Воке. Подчёркнуто яркая внешность Вотрена заметно выделяет его среди других героев. В последнем предложении из вышеприведённого примера даётся явный намёк на «ненастоящность» Вотрена. Внешность его не вяжется с манерами, вся его фигура предстаёт искусственной, театральной. Искусственность эта подмечается другими персонажами, например, в виде параллели с цирком: по мнению одного из пансионеров, Вотрен был бы «хорошей моделью для балаганного Геркулеса»:

– Sac à papier ! vous devriez poser pour un Hercule-Farceur, dit le jeune peintre à Vautrin.

Показательно то, как воспринимают Вотрена прочие персонажи романа – через них явлена

^о Федотова Мария Владимировна, аспирант кафедры романской филологии. E-mail: marya@rambler.ru
Гринштейн Аркадий Львович, профессор кафедры романской филологии. E-mail: ark.grinshteyn@gmail.com

многоликость героя. Одни относятся к нему с некоторым уважением, которое удачно смешивается со страхом

Il avait prêté plusieurs fois de l'argent à madame Vauquer et à quelques pensionnaires ; mais ses obligés seraient morts plutôt que de ne pas le lui rendre, tant, malgré son air bonhomme, il imprimait de crainte par un certain regard profond et plein de résolutions. A la manière dont il lançait un jet de salive, il annonçait un sang-froid imperturbable qui ne devait pas le faire reculer devant un crime pour sortir d'une position équivoque.

Неоднократно давал он взаймы госпоже Воке и некоторым жильцам; но его должники согласились бы скорее умереть, чем не отдать ему долга, – такой страх, несмотря на добродушный вид Вотрена, внушал его пронизывающий и полный решимости взгляд. Его манера сплевывать слюну говорила о невозмутимом хладнокровии: он, вероятно, не остановился бы перед преступлением, чтобы выйти из затруднительного положения.

Другие не видят (или не хотят видеть) тёмной стороны Вотрена, которая то и дело проступает сквозь добродушную маску. Так, «...обаятельный в глазах госпожи Воке», Вотрен в то же время сравнивается со «злом». Его считают личностью незаурядной, по-своему почтенным человеком, доблестным преступником. Двойственность Вотрена становится явной уже в начале романа, когда говорится о «двойственном впечатлении, которое производил Вотрен» (*l'impression douteuse que ... causait Vautrin*) и про «какую-то тайну, тщательно спрятанную в глубинах его жизни» (*il y avait au fond de sa vie un mystère soigneusement enfoui*).

Пансионеры и прислуга побаиваются Вотрена, подозревая его в тёмных делишках, но помалкивают. Это видно, например, из разговора Кристофа со служанкой Сильвией. Кристоф прекрасно понимает, что Вотрен, при всей его благодушной внешности, наверняка замешан в каких-то, неясных слуге, темных делах, однако готов покрывать его, подкупленный выданными Вотреном щедрыми чаевыми:

– Sylvie, dit Christophe en mouillant sa première rôtie, M. Vautrin, qu'est un bon homme tout de même, a encore vu deux personnes cette nuit. Si madame s'en inquiétait, ne faudrait rien lui dire.

– Vous a-t-il donné quelque chose?

– Il m' a donné cent sous pour son mois, une manière de me dire : «Tais-toi».

Театральность героя проявляется не только в многочисленных переодеваниях, но и в той эффективности, с которой Вотрен совершает действия. К примеру, Вотрен демонстративно не серьёзен. Он шутливо рисуется в пансионе Воке, распевая пошловатые песенки

J'ai longtemps parcouru le monde,

Et l'on m'a vu de toute part...

Объехал я весь белый свет

И счастлив был необычайно...

или притворяясь рубаха-парнем:

Ah ! je suis gentil, n'est-ce pas ?

Разве я не мил, а?

Это нарочитое фиглярство прикрывает его истинную, мрачную сущность, то и дело про скальзывающую то во взгляде, то в жестах. Эту тёмную сторону Вотрена, его истинное лицо замечает лишь Растиньяк. Он то и дело ощущает на себе скрытую силу героя, взгляд которого проникает глубоко в душу, а голос пробирает насквозь. Но даже для Растиньяка, наиболее пронизательного из всех персонажей, Вотрен остаётся загадкой и:

De moment en moment, il lui semblait que ce singulier personnage pénétrait ses passions et lisait dans son cœur, tandis que chez lui tout était si bien clos qu'il semblait avoir la profondeur immobile d'un sphinx qui sait, voit tout, et ne dit rien.

По временам ему казалось, что эта странная личность проникает в его страсти и читает в его сердце, между тем как у самого Вотрена все было глухо-наглухо заперто, и он казался неподвижным, непроницаемым сфинксом, который все знает, все видит и ничего не говорит.

Маски персонажа плавно сменяют друг друга, так, в начале романа он – «человек лет со рока, выдающий себя за коммерсанта», «господин Вотрен», «дядюшка Вотрен» далее становится «странный личностью», «страшным сфинксом», «демоном», «искусителем», и, к концу романа, «Обмани-Смерть», «беглым каторжником», «Жаком Коленом». Неоднократно подмечается мимический талант Вотрена. В «Горию» он в шутку говорит мадемуазель Мишоно, что если ей что-то не нравится в его лице, он может изменить его:

Faut le dire ! je le changerai pour vous être agréable.

Сила перевоплощений настолько велика, что порой Вотрен меняется внутренне. Игра масок проявляется и в диалоге – он говорит то от лица шутника-Вотрена, то как беглый каторжник Жак Колен.

– Bah ! vous êtes donc prophète, monsieur Vautrin ? dit madame Vauquer.

– Je suis tout, dit Jacques Collin.

«Да вы пророк, господин Вотрен? – Я все, что угодно, – отозвался Жак Колен»

Внимание читателя постоянно обращается на необыкновенный, «пронизывающий», «пристальный», «холодный, завораживающий» взгляд Вотрена, по силе сравнивая его с ударом бича. Взгляд его оказывает заметное воздействие на других персонажей. Свои «искусительные» речи Вотрен всегда подкрепляет взглядом:

Il fit une pause en regardant Eugène. Вотрен остановился, глядя на Эжена

Or il se trouvait alors dans un moment où sa misère parlait si haut, qu'il céda presque involontairement aux artifices

du terrible sphinx par le s regards duquel il était souvent fasciné.

Он (Растиньяк) почти невольно попался в сети страшного сфинкса, чей взгляд нередко его околдовывал

Жильцы пансиона строят свои теории относительно истинной личности Вотрена и в итоге разоблачают его. Так в романе появляется Жак Коллен по прозвищу Обмани-Смерть – беглый каторжник, казначей каторги, пользующийся. Резкое преобразование Вотрена в сцене ареста – вероятно, единственный момент, где на какое-то мгновение перед нами предстаёт истинное лицо Жака Коллена. Буквально на долю секунды, когда маска Вотрена сорвана, а новая ещё не наде-та, Коллен предстаёт перед пансионерами (и читателем) во всём своём дьявольском великолепии.

Однако репертуар героя не ограничивается этими двумя ролями. Вотрен постоянно в игре, и сам процесс жизни для него – та же игра. В «Утраченных иллюзиях» и «Блеске и нищете куртизанок» он появляется в облики аббата Эррера, полностью преобразившись и изменив свою внешность до неузнаваемости:

Jacques Collin se fit des blessures au dos pour effacer les fatales lettres, et changea son visage à l'aide de réactifs chimiques. En se métamorphosant ainsi devant le cadavre du prêtre avant de l'anéantir, il put se donner quelque ressemblance avec son Sosie. Pour achever cette transmutation presque aussi merveilleuse que celle dont il est question dans le conte arabe où le derviche a conquis le pouvoir d'entrer, lui vieux, dans un jeune corps par des paroles magiques, le forçat, qui parlait espagnol, apprit autant de latin qu'un prêtre andalou devait en savoir.

Жак Коллен изранил себе спину, чтобы уничтожить роковое клеймо, и с помощью химических реактивов изменил лицо. Преобразившись таким образом перед трупом священника, прежде чем уничтожить его останки, он сумел придать себе некоторое сходство со своим двойником. Желая завершить это превращение, почти столь же волшебное, как превращение дряхлого дровиша из арабской сказки, который при помощи магических слов мог вселиться в тело юноши, этот каторжник, уже изъяснявшийся по-испански, обучился латыни в той мере, в какой этот язык должен быть известен андалузскому священнику.

Перевоплощения становятся его главной чертой, сущностью. Жак Коллен не просто переодевается в разные костюмы, он сам – набор масок, изящно сменяющих друг друга в зависимости от складывающихся обстоятельств. Эти перевоплощения затрагивают не только его внешность. Вотрен способен говорить на множестве «языков» – помимо обычного французского, он в совершенстве владеет языком каторги, что наиболее ярко показано в последних главах «Блеска и нищеты куртизанок». Он то умело подражает речи испанского священника, то, при необходимости, спокойно изъясняется с

помощью замысловатой тюремной терминологии. Меняется и голос персонажа. Он то добродушно-мягок и игрив, то пугает юного Растиньяка своей холодностью и зловещностью. Вотрен неизменно производит двойственное впечатление, удачно отражённое в предсмертной записке Люсьена де Рюампре в «Блеске и нищете куртизанок». Её он завершает словами *mon mépris pour vous était égal à mon admiration* («мое восхищение вами было равно моему презрению»).

Пожалуй, наиболее ярко перевоплощения персонажа, его лавирование между различными личинами/масками, проявляется в «Блеске и нищете куртизанок». В самом начале романа, в сцене бала, Растиньяк узнаёт (по голосу – тот его не изменял) в заговорившей с ним «маске» Жака Коллена. Однако сняв маску, Коллен обнаруживает не истинное своё лицо, а лишь ещё одну маску – изуродованное кислотой лицо «испанского священника». Неизменными остаются только глаза Коллена. Глаза отражают его внутреннее состояние в наиболее критических ситуациях. Ближе к концу романа именно взгляд выдаёт Коллена, иначе совершенно неузнаваемого. Взор его, до этого «пронизывающий», станет «безжизненным» после известия о смерти Люсьена, а далее, вновь приобретаемая сила, сравнивается с вулканическим извержением.

И снова плавно меняются маски: «лжеиспанец», «странный священник», «Жак Коллен», «Карлос Эррера», «удивительный человек». Смена ролей здесь гораздо тоньше, чем в «Отце Горио». Здесь эффектность достигается с помощью тонкой игры на резком контрасте. Именно в этом романе наиболее ярко показана оппозиция «добро / зло», эта внутренняя несогласованность и в то же время гармоничность, отличающая персонажа.

Внутренний диалог Эррера-Коллена в сцене допроса – лишь один из многих примеров способности персонажа к притворству и той сложной игры, которую герой ведёт не только с другими персонажами и с обществом, но и с самим собой. Здесь он назван «великолепным актёром», допрос сравнивается с «игрой в прятки». Внутренняя речь персонажа (Коллен) и его слова, обращённые к следователю (уже в роли Эррера) сплетаются, создавая замечательную игру двух ролей, сущностей, масок, ни одна из которых не может быть названа в полной мере «реальной». Вотрен – не только актёр. Он ещё и драматург, режиссёр, кукловод. К жизни он относится, как к театру:

Je suis l'auteur, tu seras le drame; si tu ne réussis pas, c'est moi qui serai sifflé, lui dit-il le jour où il lui avoua le sacrilège de son déguisement.

Я – автор, ты – моя драма; если ты прова-
лишься, освистан буду я», – сказал он ему в тот
день, когда счел нужным разоблачить перед ним
свой кощунственный маскарад.

Не просто так он то и дело иронически напе-
вает «Свет исходил я спозаранку...». Как ре-
жиссёр устроенного им действия, он всё знает на-
перёд. К примеру, в «Отце Горио» Вотрен за
обедом постоянно прерывает рассказ Растиньяка
о его пребывании на балу, то и дело заканчивая
за него предложения на свой манер. Когда сту-
дент говорит, что на балу он «...веселился как
коро...», Вотрен прерывает его:

– Лёк, – перебил его Вотрен. – Что вы хотите
сказать, сударь? – воскликнул Эжен запальчиво.
– Я сказал: «Лёк», так как короляки веселятся
много больше королей.
– Telet, dit Vautrin en interrompant net.
– Monsieur, reprit vivement Eugène, que voulez-vous
dire ?
– Je dis telet, parce que les roitelets s'amuse-
nt plus que les rois.

И далее Растиньяк продолжает свой рассказ,
описывая некую «божественную» графиню, ко-
торую повстречал на балу, и снова Вотрен пре-
рывает его на полуслове, заканчивая за него
фразу:

– Я вообразил... – Что она идет сюда, – вставил
Вотрен, многозначительно поглядывая на сту-
дента. – Она, конечно, шла к ростовщику, дя-
дюшке Гобсеку. Если вы покопаетесь в сердцах
парижанок, то найдете, что первое место там за-
нимает ростовщик, а уж потом идет любовник.
Вашу графиню зовут Анастаси де Ресто, а живет
она на улице Эльдер.
...je me figurais... – Qu'elle venait ici, dit Vautrin en
jetant un regard profond à l'étudiant. Elle allait sans doute
chez le papa Gobseck, un usurier. Si jamais vous fouillez
des cœurs de femmes à Paris, vous y trouverez l'usurier
avant l'amant. Votre comtesse se nomme Anastasie de
Restaud, et demeure rue du Helder.

Постоянно подмечается необыкновенная
проницательность Вотрена, далее переходящая
в пророчество:

Глаз его, как строгий судья, казалось, проникал
в корень всех вопросов, видел насквозь все изви-
вы совести, всякое чувство.
Comme un juge sévère, son oeil semblait aller au fond de
toutes les questions, de toutes les consciences, de tous les
sentiments.

Вотрен демонстративно ставит себя выше
других. В «Отце Горио» его презрительное от-
ношение к нравам и законам общества явно с
самого начала. Когда Эжен с отвращением на-
зывает Париж «болотом», Вотрен тут же про-
износит чрезвычайно экспрессивный монолог:

– И презабавное болото, – подхватил Вотрен. –
Те, кто пачкается в грязи, разъезжая в карете, –
честные люди, а кто попадает в грязь, идя пеш-
ком, – те мошенники. Случись вам стянуть ка-

кую-нибудь безделицу, и вас будут показывать
на площади перед Дворцом юстиции, как дико-
винку. А украдите миллион, и о ваших добродет-
телях будут кричать в гостиных.

– Et un drôle de boubier, reprit Vautrin. Ceux qui s'y
crottent en voiture sont d'honnêtes gens, ceux qui s'y
crottent à pied sont des fripons. Ayez le malheur d'y
décrocher n'importe quoi, vous êtes montré sur la place
du Palais-de-Justice comme une curiosité. Volez un
million, vous êtes marqué dans les salons comme une
vertu. Vous payez trente million à la gendarmerie et à la
justice pour maintenir cette morale-là...Joli !

Для Вотрена «законов нет, есть обсто-
ятельства», и «тот, кто выше толпы, принорав-
ливается к событиям и обстоятельствам, чтобы
руководить ими»:

Il n'y a pas de principes, il n'y a que des événements ; il
n'y a pas de lois, il n'y a que des circonstances : l'homme
supérieur épouse les événements et les circonstances pour
les conduire.

Подобно кукловоду он манипулирует мо-
лодым и пока недостаточно опытным Рас-
тиньяком, ловко управляет Люсьеном, Эстер
Гобсек и многими другими персонажами. Он
покровительственно относится к своим «марио-
неткам» (Растиньяк, а позже – Люсьен), лас-
ково называет их «дитя мое», «младенец». И
здесь Жак Коллен «раздваивается», вкладывая
душу в своих подопечных. Очень пока-
зательны, например, две перекликающиеся ре-
марки, одна из которых принадлежит автору:
Pour lui, Lucien était son âme visible (Люсьен был
живым воплощением его души), тогда как вто-
рая вкладывается уже в уста самого Вотрена,
который в порыве отчаяния говорит: «Lucien a
emporté mon âme» (Люсьен «...унес с собой мою
душу»).

Он – дьявол-искуситель, что также явно по-
казано в тексте романов. Сравнения героя с
дьяволом многочисленны; Вотрен назван «де-
моном», «искусителем», сам себя сравнивает с
«дьяволом»; упоминается «сатанинский дого-
вор», «взор падшего ангела», «сатана, соблаз-
нивший ангела» и т.д. Часто герой срав-
нивается со зверем. В романе «Отец Горио» это
происходит в сцене ареста: «глаза (Вотрена)
засверкали, как у дикой кошки», «при этом
львином порыве». В «Блеске и нищете кур-
тизанок» звериная сущность персонажа начи-
нает вырисовываться ближе к концу. Здесь он
то «белый медведь», то «обезьяна», то лев,
«зверь, тигр», «тигр». После смерти Люсьена
мы видим «светлые, как у тигра, глаза» Колле-
на. В итоге складывается впечатление, будто
персонаж не имеет одного, «истинного» лица, а
представляет собой процесс – беспрестанную
смену одной маски на другую. Жизнь Жака
Коллена – это постоянная игра, смена масок, где
он и режиссёр, и драматург, а так же исполни-

тель многих и многих ролей, накладывающихся одна на другую и превращающихся в одно целое, нечто, меняющее свою окраску подобно хамелеону. Притом, что он появляется лишь в трёх романах «Человеческой комедии», Вотрен является

одним из её ключевых персонажей. Как справедливо заметил Мориак, «он, человек вне закона, хранит в себе все тайны, все ключевые слова бальзаковской вселенной».

IMAGE OF VAUTRIN IN «THE HUMAN COMEDY» OF BALZAC

© 2012 M.V.Fedotova, A.L.Grinshteyn^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

Image of Vautrin (Trompe-la-Mort) is considered in three Balzac's novels «Old Father Goriot», «Lost Illusions», «The Harlot High and Low».

Keywords: Balzac, The Human Comedy, image, mask.

---

^o *Maria Vladimirovna Fedotova, Postgraduate of the department of roman philology. E-mail: marya@rambler.ru
Arkadiy Lvovich Grinshteyn, Professor of the department of Roman Philology. E-mail: ark.grinshteyn@gmail.com*